

БУДЕТ
БОЛЬНО

Стефани Вробель

Stephanie Wrobel

THIS
MIGHT
HURT

Стефани Вробель

БУДЕТ
БОЛЬНО

*Посвящается моим сестрам
Джеки и Вики*

Посмотрите на меня сверху вниз,
и увидите глупца.

Посмотрите на меня снизу вверх,
и увидите бога.

Посмотрите мне прямо в лицо,
и увидите себя.

Чарльз Мэнсон*

---

* Чарльз Мэнсон — американский серийный убийца, преступник, создатель и руководитель общины, которая называла себя «Семья». — Здесь и далее примечания редактора.

ПРОЛОГ

Надрез

ГАЛЕРЕЯ РАЗМЕРОМ со школьный спортзал. Сводчатый потолок, белые стены, на двух из них висят большие киноэкраны. По периметру полутемного помещения сидит не так много зрителей — около дюжины. Лопатки упираются в стены. Зал в ожидании наполняется тихим гулом разговоров.

В центре стоят стул и столик. На столе — хирургический поднос с перчатками, марлей, садовыми ножницами. На пустой стул направлен прожектор. Кривоносый оператор ждет с небольшой переносной камерой на плече.

Открывается дверь. Когда выходит артистка, зрители затихают. Она выплывает в центр зала. Оператор наводит на нее объектив. На экранах появляется ее изображение: густые ресницы, длинная шея, стальной взгляд. Это не первое ее выступление и далеко не последнее.

Артистка натягивает перчатки и смотрит прямо в камеру.

— Страх нереален, — говорит она, — если мы сами не делаем его реальным.

Она садится за стол. Берет ножницы. Высовывает язык. Разрезает. Ахает, но не плачет.

Камера снимает все происходящее. Зрители видят на экранах разрезанный пополам язык. Кто-то падает в обморок. Другие кричат. Но не артистка. Она сидит неподвижно. Кровь течет у нее изо рта.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

---

*Я хочу прожить жизнь,
в которой буду свободна.*

Мир сошел с ума. Так все говорят. На самом деле все наоборот: мы слишком разумны. Однажды мы все умрем, все до единого. Никогда больше не почувствуем дуновения ветра. Не увидим розовеющее на закате небо. И все равно каждую осень мы сгребаем в кучи опавшие листья. Стрижем газоны и убираем снег. Тратим время на ненужные мелочи. Ведем себя так, будто у нас впереди вечность.

С другой стороны, а что еще делать бомбе замедленного действия? У нее только два варианта. Либо тикать, либо взрываться.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Натали

6 января 2020 года

Я СТОЮ ВО ГЛАВЕ стола в конференц-зале. Стулья вокруг меня занимают мужчины: низкие, высокие, толстые, лысые, вежливые, скептические. В конце выступления обращаюсь к директору компании, который из шестидесяти минут моей презентации пятьдесят играл в телефон, а остальные десять — хмурился, глядя на меня. Его лучшие годы давно прошли, и теперь он пытается это скрыть с помощью пересадки волос и автозагара.

— Мы не сомневаемся, что новая стратегия, — говорю я, — поможет вам занять первое место среди пивных брендов по популярности у мужчин от двадцати одного до тридцати четырех лет.

Директор наклоняется вперед, слегка приоткрыв рот, как будто привык держать зубами сигару. Он управляет крупным пивным брендом, который уже многие годы катится вниз, уступая долю на рынке крафтовым пивоварням. Продажи существенно упали, и мое новое агентство все больше теряет доверие этих клиентов.

Директор окидывает меня взглядом с головы до ног, презрительно скалясь.

— При всем уважении, почему вам кажется, что именно *вы*, — он выплевывает это слово, будто испорченный сэндвич, — способны залезть в голову к нашему покупателю?

Я смотрю в окно конференц-зала, вглядываюсь в реку Чарльз в отдалении и считаю до трех. Команда предупредила меня насчет этого перца — динозавра из недр корпоративной Америки, который до сих пор уверен, что дела делаются на поле для гольфа.

Что мне хочется сказать: «О да, как же я проникну вглубь такого сложного многослойного сознания? Разве способна плебейка в полной мере понять гениальные мысли благородных крутых парней? Это пока они мнут лбами пустые банки из-под пива, но однажды им суждено стать главными в конференц-залах. Однажды они сядут на ваше место и будут утверждать, что добились всего исключительно тяжелым трудом. К тому моменту они променяют водянистые помои, которые вы называете пивом, на трехсотдолларовые бутылки пино-нуар. По выходным они все так же будут валиться с ног и блевать, только теперь это начнет происходить в номерах отелей в компании жен их лучших друзей. В очередной понедельник они плюхнутся за этот стол и, глядя на меня, подумают: чего это она так мало улыбается? Они будут всеми руками и ногами за то, чтобы я проломила-таки свой стеклянный потолок, но только при

условии, что осколки их не заденут. Они станут вздыхать о том, что им больше нельзя говорить все это вслух — разве что на поле для гольфа».

Что говорю на самом деле:

— Чтобы войти в курс дела, на протяжении двух последних месяцев я проводила фокус-группы на выборке из шестисот мужчин, соответствующих профилю вашей целевой аудитории. — Я пролистываю презентацию до приложения: сорок слайдов подробных таблиц и графиков. — В будни, по вечерам, я сопоставляла данные, а по выходным анализировала, что все это означает. Я знаю, где эти мужчины работают и сколько зарабатывают. Я знаю их уровень образования, религиозные взгляды, расовую принадлежность. Я знаю, где живут ваши ребята, их образ жизни и ценности, отношение к вашему бренду, а также к конкурирующим брендам. Я знаю стадии их покупательской готовности, а также то, как часто они пьют пиво и в каких ситуациях покупают его. Я знаю степень их лояльности к бренду. Отправляясь на поезде на работу и лежа в кровати перед сном, я переслушиваю свои интервью в поисках инсайтов, которые могла пропустить. Я с уверенностью говорю, что знаю вашего покупателя не хуже, чем собственного отца. — Невольно морщусь. — А значит, я знаю его не хуже, чем вы. Мне не *кажется*, что я могу залезть в голову к нашему покупателю. Я знаю, что могу. Потому что уже залезла. При всем уважении. — Выдавливаю из себя широкую улыбку, чтобы подколка прозвучала игриво, а не агрессивно.

Все остальные в зале, похоже, находятся под впечатлением. Мой ассистент Тайлер, забывшись, начинает хлопать. Я бросаю на него косой взгляд, и этого достаточно, чтобы он прекратил, но к аплодисментам уже успевают присоединиться остальные — как клиенты, так и моя команда. Директор смотрит на меня — я его позабавила, но еще не убедила окончательно. Пошла на риск, прилюдно бросив ему вызов, чтобы раззадорить остальных, но мне не так уж часто потребуется с ним пересекаться. Слышала, что он заявляется на встречи по рекламе тогда, когда ему больше некого позлить. Мне важно, чтобы команда маркетинга была на моей стороне. Директор откидывается на спинку стула, уступая инициативу подчиненным, и в итоге уходит, не дослушав вопросы и ответы.

Уже через пять минут клиенты подписывают нашу стратегию на год. Все обмениваются рукопожатиями и похлопывают друг друга по плечу. Впервые за много месяцев нас приглашают на ланч. Моя команда остается с клиентами, но я откланиваюсь. Обеденный час обычно посвящаю чтению электронной почты. Если ящик оказывается пуст, иду в спортзал.

Мы с Тайлером спускаемся на лифте с сорокового этажа в фойе башни Пруденшиал. Я усмехаюсь, пока он в красках расхваливает мою презентацию. Ассистента сама не выбирала, мне его выдали. Нехватку амбиций (как и полезных навыков) он старается компенсировать приятным характером.

Пока Тайлер вызывает нам такси, мне приходится ждать, дрожа от холода на Бойлстон-стрит. Как только забираемся в машину, поворачиваюсь к нему:

— Мне нужно, чтобы ты купил упаковку сигар «Кохиба» в табачном салоне на Ганновер-стрит. Заверни ящичек в темно-синюю бумагу. Отправь его с запиской на оборотной стороне моей визитки. Только возьми не из тех дурацких, что выдало агентство, а из моих личных, на плотном картоне с тиснением. У тебя есть ручка? Тогда доставай телефон. В записке напиши вот так, слово в слово: «В честь продуктивного сотрудничества». В конце поставь точку, а не восклицательный знак. Потом, строчкой ниже, тире и «Натали». Понял? Никаких «с уважением», «с наилучшими пожеланиями» и «всего хорошего». Просто тире и мое имя. И отправь их директору.

Тайлер смотрит на меня, разинув рот:

— Но он так грубо с тобой разговаривал. Прямо при всех.

Я открываю в телефоне список всего, что запланировано на остаток дня после встречи, и отвечаю, не поднимая взгляда:

— Когда я карабкалась по карьерной лестнице в этой сфере, знаешь, на что я тратила большую часть времени? Я слушала. И записывала.

Уголком глаза вижу, как его лицо принимает слегка кислое выражение. Он всего на три года моложе меня.

— Чтобы в течение часа у меня на столе был протокол собрания. Пожалуйста.

— За два года, что работаю в «Ди-Си-Ви», никто не делал протоколы собраний, — бормочет он.

— Может, как раз поэтому вы чуть не потеряли клиента, который всем нам платит зарплату. — Жду, что Тайлер огрызнется. Он молчит, и тогда я достаю из сумки папку. — Посмотрела твой отчет по «Старбасту». Очень много опечаток. — Нахожу страницы с пометками и передаю ему. — Когда работа сделана кое-как, это сказывается на нас обоих. В другой раз вычитывай тщательнее, хорошо?

Он сжимает зубы.

— И я тебе говорила: все подзаголовки заглавными буквами и жирным шрифтом. Не одно из двух. И то и другое. Ты сам удивишься, как далеко пойдешь, если будешь внимательнее к деталям.

Машина останавливается у здания нашего офиса. Мы едем на еще одном лифте — на этот раз в молчании. Выходим на шестом этаже. Прежде чем мы расходимся, Тайлер шмыгает носом:

— Если ты сегодня впервые видела этого директора, как мы можем быть уверены, что он курит сигары?

— Я знаю свою аудиторию. — Сворачиваю в женский туалет.

Через минуту уже иду по коридору, просматривая календарь (на сегодня запланировано еще три собрания). Почти дохожу до поворота к своему кабинету, как вдруг до меня доносятся приглушен-

